

СТАНОВЛЕНИЕ ТЕОРИИ ТЕКСТА В УКРАИНСКОМ И РОССИЙСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ 50-Х ГОДОВ XIX ВЕКА – 50-Х ГОДОВ XX ВЕКА: ЛИНГВОИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Высоцкая Н.Л.

Донбасский государственный педагогический университет

В статье осуществлён лингвосториографический анализ концепций языковедов 50-х гг. XIX в. – 50-х гг. XX в., связанных с проблемами теории текста. Определены особенности формирования терминологического аппарата и методологической базы указанной теории. Установлена хронологическая последовательность становления и развития лингвистики текста как самостоятельной научной дисциплины. Определён вклад современных исследователей в разработку теории текста. Определено влияние лингвистических концепций исследуемого периода на дальнейшее развитие учения о тексте.

Ключевые слова: языкознание, лингвосториографический анализ, теория текста, сложное синтаксическое целое, текст.

Постановка проблемы. Падение риторики и процесс дифференциации филологических знаний и филологических наук, которые исторически совпали (первая половина – середина XIX в.), приостановили формирование теории текста как самостоятельной области филологии. Таким образом, 50-е гг. XIX в. – 50-е гг. XX в. можно рассматривать как период накопления эмпирических фактов и теоретических сведений о тексте, выдвижения в языкознании и других гуманитарных науках фундаментальных идей, которые стимулировали формирование лингвистической теории текста.

Анализ последних исследований и публикаций. Проведённый лингвосториографический анализ свидетельствует о том, что роль украинских и российских лингвистов XIX в. – начала XX в. в решении проблем, связанных с изучением текста, является значительной. Отдельные лингвосториографические комментарии и замечания о проблемах развития теории текста в этот период можно найти в работах Н. С. Валгиной, Е. А. Селивановой, А. А. Загнитко, М. Н. Никоновой и др.

Выделение не решённых ранее частей общей проблемы. Однако концепции языковедов, в которых формировались предпосылки зарождения и развития теории текста как самостоятельной научной дисциплины, исследованы недостаточно; в работах большинства учёных можно найти лишь отдельные лингвосториографические комментарии относительного указанного проблематики.

Целью настоящего исследования является лингвосториографический анализ научного наследия основоположников текстоцентрического подхода в языкознании, что позволит заполнить некоторые пробелы в истории языкознания.

Изложение основного материала. Имплицировано представленные в языкознании первой половины XIX в. идеи о существовании лингвистических единиц, более крупных, чем предложение, получили продолжение в концепциях учёных второй половины XIX в. – начала XX в. К вычленению сложного синтаксического целого (сложной синтаксической единицы, большей, чем предложение) близко подошёл А. А. Потёбня, который, как и Ф. И. Буслаев, назвал такую единицу «речью». Этот термин используется также в широком значении – как реальное проявление языка, и в узком – как «известная совокупность предложений» [11, с. 44].

Для А. А. Потёбни важна не столько сама «речь» как синтаксическая единица, сколько проблема тесной взаимосвязи слова и речи, функционирования слова в речи. Это одна из основных идей известного лингвиста, который доказывал, что реальная

жизнь любого слова происходит в речи, «слово в речи каждый раз соответствует одному акту мысли, а не нескольким ...» [11, с. 15]. И далее: «Одно изолированное слово в действительности не существует. В действительности возможна только речь. Значение слова существует только в речи. Вырванное из связи слово мертво, не функционирует...» [там же, с. 41]. Проблемы сложных синтаксических образований А. А. Потёбня касается вскользь.

Справедливым является также замечание учёного о том, что речь не равна простому или сложному предложению. С другой стороны, «она не является обязательно чередой связанных предложений», как это отмечено у Ф. И. Буслаева. По мнению А. А. Потёбни, речь может выражаться и одним предложением, «речь содержит такое сочетание слов, из которого видно значение элементов, входящих в него» [11, с. 42]. И здесь проблема речи рассматривается только с точки зрения самостоятельности слова в ней. Речь как сложное синтаксическое построение А. А. Потёбня не анализирует.

Следует отметить, что Д. Н. Овсянко-Куликовский, который популяризировал синтаксическую систему А. А. Потёбни, не нашёл в его «Синтаксисе русского языка» характеристики речи как сложного синтаксического единства. Однако у Д. Н. Овсянко-Куликовского можно найти ценные замечания, например, о связи самостоятельных предложений при помощи союза и и др. [5, с. 272].

Первая в русском языкознании попытка чёткой постановки проблемы сложных синтаксических структур принадлежит А. М. Пешковскому. Учёный дал определение этой синтаксической единицы. «В собственно-литературной речи (не разговорной), – писал А. М. Пешковский, – есть единица ещё более крупная, чем сложное целое. Это сочетание сложных целых от одной красной строки до другой». Учёный отметил, что «синтаксического термина для этой единицы не существует, поэтому мы вынуждены использовать здесь типографский (вдобавок иностранный) термин «абзац». «Границей между абзацами, в отличие от границ между сложными целыми, являются лишь слишком продолжительные паузы, потому что особенных интонаций, которые бы принципиально отличали абзац от сложного целого, нет» [6, с. 410]. Исследователь говорит непосредственно о сложных синтаксических объединениях («абзацы», в терминологии А. М. Пешковского), предпринимает попытку определить при помощи интонации границы новой единицы («слишком продолжительные паузы»).

Однако А. М. Пешковский ограничивается лишь постановкой проблемы. Новая синтаксическая еди-

ница не получила в концепции учёного подробного изучения и определения, характеризуется только в ритмико-мелодическом аспекте. А. М. Пешковский не касается также проблемы структурных особенностей «абзаца» и синтаксические отношения между самостоятельными предложениями рассматривает в рамках традиционного сочинения и подчинения. Но следует отметить, что в ранних работах А. М. Пешковского, как справедливо заметил Н. С. Пospelов, сочетание сложных целых «приобретает значение логического единства и потому даже не требует особенной синтаксической характеристики, исходя из специфики построения» [9, с. 50]. Так, в «Школьной и научной грамматике» А. М. Пешковский подчёркивал «преимущественно логическое» значение красной строки: «...она разделяет крупнейшие логические целые вне всякой связи с языковой формой их» [7, с. 95].

В 40-50-е гг. XX в. проблеме сложных синтаксических единств уделяли внимание Л. А. Булаховский, Н. С. Пospelов, А. И. Фигуровский и др.

Л. А. Булаховский констатировал существование больших, чем фразы, словесных объединений, с определёнными синтаксическими признаками – так называемые сверхфразовые единства. По словам учёного, их графическим выражением является красная строка, которая отделяет одно такое единство от другого [1, с. 392]. Однако вследствие недостаточного изучения проблемы автор ограничивается несколькими замечаниями о внешних средствах связи между фразами: констатирует наличие «смысловых скреп в виде местоимений» на границах фраз, «ритмико-мелодическую сгруппированность» элементов сверхфразовых единств [там же, с. 393].

Наиболее подробно вопросы о специфике «сложных синтаксических целых» разработаны Н. С. Пospelовым, который посвятил этой проблеме цикл статей. Исходным пунктом теоретических взглядов Н. С. Пospelова, на которых собственно и основывается выделение новой синтаксической единицы, являются тезисы диалектического метода о тесной связи явлений, которые, как отметил Н. С. Пospelов, «могут и должны быть интерпретированы как указание для лингвистов на необходимость рассматривать грамматическое предложение в составе связной монологической речи в неразрывной связи с окружающим его контекстом, то есть рассматривать как элемент сложного синтаксического целого» [8, с. 31].

В соответствии с принципом связи предложения и необходимостью выражения «сложной творческой мысли говорящим», Н. С. Пospelов утверждал, что в нашей речи функционирует особенная синтаксическая единица, которую он назвал «сложным синтаксическим целым». В отличие от предложения эта единица используется «для выражения сложной и завершённой мысли» и имеет в рамках контекста «относительную независимость» [8, с. 31], что не свойственно отдельному предложению.

Статьи Н. С. Пospelова содержат синтаксическую характеристику сложного целого как лингвистической единицы, большей, чем предложение. По мнению исследователя, сложные синтаксические целые отличаются «замкнутостью синтаксической структуры». «В отличие от сложного предложения ... сложное синтаксическое целое характеризуется ... прерывистостью синтаксических связей между предложениями, которые входят в его состав» [9, с. 53]; даже после извлечения из текста сохраняет свою синтаксическую самостоятельность, замкнутость структуры и выражает завершённую мысль [8, с. 117].

«Прерывистость» выражается прежде всего наличием присоединительных конструкций или бес-

союзных связей между предложениями. Кроме того, прерывистый характер структуры «может быть подчёркнут разницей в выражении подчинения» [8, с. 55]. Структурным признаком сложного синтаксического целого Н. С. Пospelов считал также синтаксическую разнородность его состава: «разного рода комбинации одночленных и двучленных предложений...» [там же, с. 55–57]. Было предложено и утверждение о том, что сложное синтаксическое целое является завершённой коммуникативной единицей.

Н. С. Пospelов выделял внешние и внутренние способы соединения самостоятельных предложений в сложные синтаксические структуры. К внешним учёный относит: указательные и анафористично употреблённые личные, притяжательные и другие местоимения, наречия, сочетания обстоятельств, модальные слова; к внутренним – «выражение того или иного временного соотношения между сказуемыми ... предложений» [8, с. 55]. В своих статьях Н. С. Пospelов наиболее подробно обрисовал проблему сложных синтаксических целых, выделил некоторые семантико-синтаксические признаки и особенности их структуры.

Исследования Н. С. Пospelова, проведённые в 40-50-е гг. XX в. и представленные в цикле статей и монографий, имели принципиальное значение для становления теории текста в русском языкознании. Исследования Н. С. Пospelова, проведённые в рамках синтаксиса, фактически доказали, что в строении текста можно выделить «сверхпредложные» (сверхфразовые) единства. Поэтому теоретические результаты, которые получил Н. С. Пospelов, в значительной степени повлияли на определение текста и направления исследования теории текста в 60-70-е гг. XX в.

Без обращения к тексту невозможно описание языка художественной литературы и стилистика. Так, исследование В. В. Виноградовым стиля художественного произведения сквозь призму образа автора определило обращение к узкому или широкому контексту (фрагменту текста), который выделяется горизонтально или вертикально, к целому тексту и его отдельным категориям – повествованию, диалогу и т. д. Это позволило В. В. Виноградову выделить ряд важнейших исследовательских заданий. Приведём одно из утверждений учёного: «В образе автора, в его речевой структуре объединяются все качества и особенности стиля художественного произведения: распределение света и тени при помощи выразительных средств, переходы от одного стиля к другому, перемены и сочетания словесных красок, характер оценок, выражаемых посредством подбора и смены слов и фраз, своеобразие синтаксического движения. Так открывается глубочайший пласт в стилистическом исследовании художественной литературы» [2, с. 181–182].

Исследования текстов художественной литературы сыграло важную роль в становлении теории текста, в сочетании идей филологии и риторики и внедрении их в теорию текста. Так, в программе исследования поэтического языка, которая была представлена Г. О. Винокуром в статье 1946 года, конечной целью изучения поэтического языка по текстовым материалам определена «личность художника, его идейный и художественный замысел, поэтика произведения или собрания произведений» [4, с. 61].

Методология лингвопоэтических и лингвостилистических исследований, разработанная В. В. Виноградовым и Г. О. Винокуром, была реализована в конкретном анализе не только текстовых фрагментов, а и целых текстов, например, повести

А. С. Пушкина «Пиковая дама» (В. В. Виноградовым) и трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» (Г. О. Винокуром).

Важная роль в формировании лингвистического учения о тексте принадлежит стилистике. Особого внимания заслуживают такие её разделы, как стилистика языка (в трактовке В. В. Виноградова), организация высказывания и т. д. Так, чешский филолог В. Скаличка утверждал, что высказывание может быть выражено одним, двумя и более предложениями, а также, например, выступлением, лекцией, письмом, романом [12, с. 241].

Общелингвистическая ситуация исследуемого периода была связана с необходимостью определить место текста в системе языковых явлений. В первой половине XX в. это сделал Л. В. Щерба. В статье «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании» он отвёл текстам, на первый взгляд, служебную роль, приравняв их к языковому материалу, из которого можно вычленивать «все языковые единицы», которыми мы оперируем в лексике и грамматике [14, с. 26]. Однако определение учёного всё-таки является правомерным: в нём фиксируется статус текста как базовой реалии лингвистических исследований. Тексты, по мнению Л. В. Щербы, – это «совокупность всего, что говорят и понимают в определённой конкретной ситуации в ту или иную эпоху жизни данной общественной группы» [там же, с. 26]. Важными являются также характеристики текстов, принципов их исследования: тексты – это и процессы, и ма-

териал (рассматриваются как словесно-предметное единство); выделяются две стороны текста – речь и понимание, вопреки традиции, которая выдвигала в центр внимания речь, определяются одинаково важными для лингвистики (см. у А. А. Потебни: языковой материал вне процессов понимания будет мёртвым) [там же]; тексты не могут быть лишены «условия» (принципиальная идея об изучении текстов в единстве с условиями их использования) [там же]; в конце концов, на концепции текстов также распространяется утверждение о лингвистическом эксперименте в языкознании.

Ещё одно направление развития теории текста связано с культурой речи. Так, А. И. Фигуровский, с целью усовершенствования работы по развитию речи у учеников, проанализировал связи между завершенными предложениями в целом тексте. Ему удалось выделить и описать типы этих связей: однородные и неоднородные; определить способы связи – синтаксические и несинтаксические. Основываясь на результатах наблюдений, исследователь пришёл к выводу, что предложения объединяются в комплексы, а последние – в целые тексты [13, с. 21–31].

Выводы и предложения. Представленный в статье лингвистический анализ позволяет сделать вывод о том, что середина XIX в. – 50-е гг. XX в. являются периодом становления методологической и теоретической базы теории текста, развитием терминологического аппарата новой области лингвистики, а также выделения приоритетных направлений и аспектов исследования текста.

Список литературы:

1. Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века / Л. А. Булаховский. – М.: Учпедгиз, 1934. – 468 с.
2. Виноградов В. В. О теории художественной речи / В. В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1971. – 240 с.
3. Виноградов В. В. Стиль Пушкина / В. В. Виноградов. – М.: Гослитиздат, 1941. – 620 с.
4. Винокур Г. О. О языке художественной литературы: учеб. пособие для филол. спец. вузов / сост. Т. Г. Винокур; предисл. В. П. Григорьева / Г. О. Винокур. – М.: Высш. школа, 1991. – 448 с.
5. Овсянко-Куликовский Д. Н. Теория поэзии и прозы. (Теория словесности) / Д. Н. Овсянко-Куликовский. – 5-е изд. – М.-П., 1923. – 320 с.
6. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – М.: Гос. уч.-пед. изд-во Министерства Просвещения РСФСР, 1956. – 512 с.
7. Пешковский А. М. Школьная и научная грамматика: опыт применения научно-грамматических принципов в школе. – изд. 2-е испр. и доп. / А. М. Пешковский. – М.: Литературно-издательский отдел Народного комиссариата по просвещению, 1918. – 126 с.
8. Поспелов Н. С. Мысли о русской грамматике: избранные труды / Н. С. Поспелов / сост. Е. А. Иванчикова / отв. ред. Н. И. Толстой. – М.: Наука, 1990. – 182 с.
9. Поспелов Н. С. Сложное синтаксическое целое и основные особенности его структуры / Поспелов Н. С. // Доклады и сообщения Института русского языка АН СССР. – М., 1948. – Вып. 2. – С. 43–68.
10. Потебня А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня. – Киев: СИНТО, 1993. – 192 с.
11. Потебня А. А. Синтаксис русского языка [Публикация А. Я. Опришка] // Наукова спадщина О. О. Потебні і сучасна філологія. До 150-річчя з дня народження О. О. Потебні: зб. наук. праць / відп. ред. В. Ю. Франчук. – К.: Наук думка, 1985. – С. 206–221.
12. Скаличка В. О современном состоянии типологии / В. Скаличка // Новое в лингвистике. – М., 1963. – Вып. III. – С. 19–35.
13. Фигуровский И. А. От синтаксиса отдельного предложения к синтаксису целого текста / И. А. Фигуровский // Русский язык в школе. – 1948. – №. 3. – С. 21–31.
14. Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании / Л. В. Щерба // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974. – С. 24–39.

Висоцька Н.Л.

Донбаський державний педагогічний університет

СТАНОВЛЕННЯ ТЕОРІЇ ТЕКСТУ В УКРАЇНСЬКОМУ ТА РОСІЙСЬКОМУ МОВОЗНАВСТВІ 50-Х РОКІВ XIX СТОЛІТТЯ – 50-Х РОКІВ XX СТОЛІТТЯ: ЛІНГВОІСТОРИОГРАФІЧНИЙ АСПЕКТ

Анотація

У статті здійснено лінгвоісторіографічний аналіз концепцій мовознавців 50-х рр. XIX ст. – 50-х рр. XX ст. щодо проблем теорії тексту. Визначено особливості формування термінологічного апарату та методологічної бази зазначеної теорії. Установлено хронологічну послідовність становлення та розвитку лінгвістики тексту як окремої наукової дисципліни. Визначено внесок дослідників у розробку теорії тексту. Установлено вплив лінгвістичних концепцій досліджуваного періоду на подальший розвиток вчення про текст.

Ключові слова: мовознавство, лінгвоісторіографічний аналіз, теорія тексту, складне синтаксичне ціле, текст.

Vysotskaya N.L.

Donbas State Teacher Training University

GENERATION OF THE THEORY OF THE TEXT IN UKRAINIAN AND RUSSIAN LINGUISTICS OF THE 1850s – THE 1950s: LINGUISTIC HISTORIOGRAPHIC ASPECT

Summary

The article analyzes linguistic historiographical conceptions of linguists of the 1850s –the 1950s connected with the theory of the text. The main features of formation of terminology and methodological basis of that theory are determined. The chronological sequence of stages of the development of text linguistics as a separate scientific discipline is established. The contribution of the contemporary researchers to the generation of the theory of the text is defined. The influence of linguistic conceptions of the investigated period on further development of text studies is formulated.

Keywords: linguistics, linguistic historiographical analysis, theory of the text, complex syntactic unit, text.

УДК 821.161.2–31.09

ЛЮБОВНО-ЕРОТИЧНИЙ КОМПОНЕНТ РОМАННОЇ ПРОЗИ ВОЛОДИМИРА ГЖИЦЬКОГО

Волощук Ю.О.

Національний педагогічний університет імені М.П. Драгоманова

У статті аналізується любовно-еротичний компонент у романах «Чорне озеро», «Захар Вовгура», «Опришки» («Довбуш») В. Гжицького. Автор приділяє увагу поетикальним рівням реалізації любовно-еротичної складової: жанрово-стильовому, ідейно-тематичному, образному, сюжетному, проблемному тощо. Також у статті досліджено широкий спектр різновидів любові в названих романах. Любов трактується як дзеркало людських характерів у великій прозі митця, а різні типи любовно-еротичних стосунків – як символи певних національних та соціальних проблем, порушених у романах. Дослідження любовно-еротичного компоненту поезики романів дозволяє вписати велику прозу В. Гжицького в модерний дискурс його доби.

Ключові слова: романна проза, модерністський та соцреалістичний дискурси в українській літературі XX ст., структура й поетикальні рівні художнього твору, компонент (елемент) художнього твору, функція художнього компоненту (елементу), художній конфлікт, проблематика.

Постановка проблеми. У сучасному літературознавстві простежується тенденція до переосмислення літературних постатей письменників, чий доробок був заборонений або тенденційно потрактований у радянські часи. Виникає спорадичний інтерес і до творчості Володимира Гжицького (1895-1973) – представника мистецької генерації Розстріляного Відродження, воркутинського в'язня, свідка хрущовської відлиги, старшого побратима шістдесятників. У світлі нових суспільних та літературознавчих концепцій дослідники розглядають

національну проблематику його романів, звертаються до питань жанру та стилю творів – зокрема історичної романістики, табірної прози. Але таке надзвичайно цікаве питання як любовно-еротична складова романної творчості митця залишається малодослідженим. Між тим, вивчення любовно-еротичного компоненту романів В. Гжицького дозволить більш чітко уявити собі місце його прози в літературному дискурсі 1920-1930-х та 1960-1970-х років, допоможе переосмислити творчість митця в руслі модерністських, а не соцреалістичних тен-